

Художник С. Дергачев

Издавека долго

Ольга Рэйн

Восьмого апреля 1910 года ученик пятого класса Санкт-Петербургской 10-й казенной гимназии Коля Желтяков окончательно решил погубить свою бессмертную душу и начал приготовления к занятиям магией вуду. Другого способа повлиять на учителя математики Виссариона Ивановича Степанова, за глаза называемого Вистом, просто не оставалось.

— Вы, Желтяков, не только безнадежно тупы, но и весьма ленивы, — говорил Вист в начале года, хмурясь и разглядывая тетрадь с домашним заданием, будто в ней щенок нагадил, а не Коля задачи порешал, пусть и слегка неряшливо. — Я таких учеников страсть как не люблю, не думаю, что мы сработаемся.

И ведь как в воду глядел, подлец. Придирался, к доске вызывал на сложные задания, ответить не давал нормально, путал вопросами. Коля уже со счета сбился, сколько раз Вист на него нажаловался классному наставнику, сколько раз его оставляли на два часа после уроков с занесением наказания в дневник, а потом еще и дома попадало.

— Коленька, у тебя же стипендию отнимут, — говорила мама, чуть не плача. — А плата за учение шестьдесят рублей в год, нам не поднять.

Отец неохотно, но больно порол.

— Рука отцов пороть устала, — говорил он, вешая ремень в шкаф. — Смешались в кучу кони, люди. Ну, горе луковое, садись, давай вместе решать алгебру твою...

Папа сочувствовал пешеходам, бредущим из пункта А в пункт Б, — он служил почтальоном и каждый день проходил верст шесть или семь. Маленькая кухня наполнилась запахами табака, усталости, сургуча, снега, чужих подъездов, бумаги, пеньки, холодного ветра с Невы и еще десятком запахов папы и Петербурга.

Пешеходы шли, версту за верстой передвигая усталые ноги, трубы изливались в бассейны, а Коля все никак не мог победить ненавистного Виста. А на прошлой неделе еще и подрался с Мишкой Некрасовым, так что у форменной гимназической фуражки козырек скособочился. Мать увидит — заругается. А еще брюки опять стали коротки, и выпускать вниз уже больше нечего, надо новые покупать...

В общем, когда Вист в очередной раз его выгнал из класса, назвав болваном, да еще и вслед посулил полный провал на экзамене и посоветовал расспросить школьного сторожа Сильвестра о карьере дворника, потому что выше метить Коле не следовало, что ему оставалось делать? Или идти топиться, или — в анархисты, или же заняться вуду, чтобы приструнить ненавистника.

Про вуду рассказывал Мишка Некрасов на той неделе — у него отец преподавал в Институте правоведения истории религий и дома было полно книжек, в том числе и запрещенных. Нужно было сделать куклу врага, называемую «вольт», потом провести обряд, который установит симпатическую связь между куклой и объектом.

ФАНТАСТИКА

— В куклу заложить что-то, принадлежащее недругу, — говорил Мишка, сидя на подоконнике и разминая в пальцах папиросу. Как он курит, никто не видел, но папиросу он всегда держал на переменах, наверняка одну и ту же, у отца украденную, чтобы пыль в глаза пускать. — Вещь какую-нибудь мелкую. И непременно плотское что-то — каплю крови там или волосы.

— Ногти можно? — спросил маленький рыжеволосый Сенечка Генинг. Он с первого класса совсем не рос, такое у него было заболевание. Но веселый был, добрый, иногда Коле помогал с математикой.

— Можно, — разрешил Мишка. — И еще туда надо волшебный талисман зашить, гри-гри он называется в вуду.

— А что с куклой делать-то? — спросил Сеня.

— Управлять жертвой можно, — сказал Мишка, усмехаясь. — Или мучить по-всякому: иголки втыкать, жечь, щипать. Но это надо силу иметь внутреннюю и храбрость, а ты же, Генинг, насквозь плюгавый, тебе зачем?

Тут-то Коля с ним и подрался — из-за того, какое у Сенечки лицо сделалось. Но про вуду запомнил.

Шить Коля умел очень плохо, куклу бы — не смог. Пришлось украсть у сестры пупса размером с ладонь, с целлюлоидной головой и мягким тканевым телом. У Дашки их был целый выводок, штук пять, одного небось и не хватит.

Унося его в свою комнату, Коля воровато оглядывался и чувствовал себя ужасным преступником, похитителем младенцев. Собравшись с духом и стараясь не глядеть в распахнутые голубые глаза пупса, он подпорол боковой шов вдоль его тела, чтобы затолкать туда колдовские ингредиенты.

Когда Вист его оставил опять после уроков — долго ждать не пришлось, — Коля выдернул страницу из его любимого задачника, который учитель оставил на столе, выходя покурить. Учебник был старый совсем, потрепанный, с надписью на форзаце «Виссарион от любящего его дедушки Петра, Самара 1875». Коля растрогался, но отступить было некуда. Он выдрал лист из середины, стараясь рвать почище, чтобы заметно не было.

В верхнем ящике стола нашелся гребешок, которым Вист приглаживал свои редеющие кудри, а на нем — несколько волосков. Коля их быстренько прибрал, все обратно задвинул и сел на место, как будто ничего ужасного не совершил. Трясся, чуть не плакал от того, каким плохим человеком его сделала магия вуду. Вист посмотрел на него странно, когда вернулся, и отпустил пораньше.

А дома Дашка рыдала по пропавшему пупсу Васечке. Пришлось побежать через улицу, купить ей леденцов на последние свои пять копеек, а назавтра в столовой бесплатной пустой чай дуть. Сестренка успокоилась, и у Коли на сердце чуть отлегло. Он поиграл с нею часок, заучил главу по истории, почитал физику, а после ужина пошел в свою комнату и приступил к черному колдовству.

— Ты теперь не Васечка, а Висечка, — сказал Коля пупсу. Тот светло и по-идиотски улыбался розовыми губами.

В целлулоидную голову Коля затолкал три Вистовых волоска — два русых и один седой совсем. В грудь — порванную на полоски страничку из задачника.

«Баржа прошла против течения реки сорок верст и вернулась в пункт отправления...», «Из города А в город Б одновременно выехали два экипажа...», «Поезд, двигаясь равномерно, проезжает мимо придорожного столба за 36 секунд...»

А потом Коля поднял дощечку под окном и достал волшебный талисман, что у него был припасен для куклы вуду, — темно-синюю стеклянную пирамидку размером с мизинец ноги, которую он нашел прошлым летом, когда гостил у бабушки в Царицынском уезде, в селе со смешным названием Песковатка. Лето тогда стояло душное, тучи обложили небо серой ватой, но дождя не давали, погромыхивало только, да сквозь низкий облачный слой ночами виднелись яркие разноцветные вспышки.

— У Бога чудес много, — пожимала плечами бабушка. — Разные явления бывают в атмосфере, свет по-разному преломляется. Пойдем спать, Коленька.

Бабушка выписывала «Вестник науки» и держала над кроватью портреты Ньютона и Фарадея. А на третью ночь загрохотало неподалеку так, что земля дрогнула, будто великан с облака сверзился, обманутый коварным мальчишкой Джеком, не вернув себе ни золотой арфы, ни волшебной несущки. Коля проснулся с бьющимся сердцем, по всей Песковатке дети закричали, а собаки завывали. Раздался страшный плеск, и тут же тихо опять стало, дождь хлынул, забарабанил по крышам, успокоил пробудившихся, потянул обратно в сон ровным своим, древним ритмом.

Наутро Коля проснулся от веселых возгласов на улице и удивленных разговоров. На берег ночью рыба выбросилась, снулая, но живая: чехонь, жерех, лещ пудами, плотва сотнями, пара огромных икряных осетров и судаков без счету. Жители Песковатки радостно бежали к реке с ведрами, корытами, мешками. Всю соль в сельском магазине скупили в первый час после открытия, рыбный дух долго еще витал в воздухе, а у детишек бедняцких за ту неделю славно щеки округлились.

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, — говорила бабушка, раскатывая тесто на пирог с осетриной. Эту цитату она приберегала для совсем особых случаев, когда сказать было нечего.

— Больше нигде такого феномена не было, — говорил кавалерист в отставке и заядлый песковатский рыбак Степан Антонович, частенько навещавший Колину бабушку; вдовела она десятый год и натуру имела приветливую. — Только нам подарок от Волги-матушки. А рыба-то какая! Половина — вообще проходная, те, что из Каспия заходят. Ты, Николай, помнишь, куда Волга впадает?

— В Каму, а та — в Каспийское море, — умничал Коля и бежал на речку, нырять с мальчишками. Там-то, на дне, рядом с сомовым омутом, он и нашел синюю пирамидку. Вода в реке в тот день была прозрачная, он нырнул и сразу отблеск приметил. Боязно было, но он поплыл вниз за синим сиянием — сквозь холодные струи придонного течения, сквозь противные скользкие водоросли, сквозь воображаемые голодные взгляды сомов, — ухватил блестяшку, всплыл с нею к солнышку.

— Стекло, — сказала бабушка, снимая очки. — Простое стекло, вроде бутылочного. Очень красиво граненое, ин-

тересно зачем. И значки вырезаны на гранях странные. Еврейские, может?

— Экая забавная штуkenция, — сказал папа, прищурираясь и глядя сквозь пирамидку в окно поезда, увозившего их обратно в Санкт-Петербург. — И что она на дне делала? Давай, Коля, стелиться, дорога дальняя. Я когда маленький был, однажды нырнул и солдатика оловянного нашел, старого, с краской облупленной. Долго он моим любимцем был, не помню, куда потом делся. Ужинать будешь? Яички, помидоры, и рыбки тебе бабушка пожарила. Ты стекляшку эту Дарье везешь подарить? Она по тебе скучала все лето.

— Вот еще, — буркнул Коля, кокая сваренное вкрутую яйцо о раму окошка. — Моя пирамидка. Дашке вон кубики бабушка передала.

Он сказал папе, что стекло иногда светится в темноте, как маленький синий звездный осколок, а папа не поверил. Но Коля помнил о волшебстве, и сейчас синему стекляшку предстояло стать гри-гри для куклы вуду.

Он зашил мягкое тельце пупса через край суровой ниткой. Теперь надо было закончить ритуал, призвав Дьявола, но Коля боялся, да и устал уже, спать хотелось. Решил обойтись по-доброму, без сатаны.

«Теперь ты — Виссарион, — сказал он кукле, прежде чем убрать ее под подушку. Пупс смотрел глупо, выпучив голубые глаза. — Виссарион Степанов. Ты в моей власти. Уколю иголкой в живот — тебя возьмет и поносом скрутит. А в голову уколю — будешь мигренью маяться!» — Коля говорил строго, но уже знал, что не станет ни колоть, ни щипать Висечку — не было в нем колдунской черной жилки, добрый он был мальчик.

«Меня зовут Максим», — вдруг отчетливо произнес пупс вуду, но Коля уже совсем спал и подумал, что голос ему снится.

Наутро встал вопрос: как быть с вольтом? Спрятать в комнате было негде — так, чтобы мать точно не нашла. В ранец класть тоже было боязно — залезет кто-нибудь за учебником, позора не оберешься. Поэтому сунул пупса Коля в карман своих коротковатых форменных брюк.

— Ты куда без попрощалки! — Дашка на лестницу вскочила, стояла маленькая, смешная, у Коли аж в сердце что-то заболело. Он ее чмокнул в щеку, покружил по площадке, она ему волосы взъерошила.

— У тебя хороший будет день, вот увидишь, — сказала она. Много понимала, малявка шестилетняя. Ничто ведь не предвещало.

— К доске, — сказал Вист, поморщившись, будто Колино имя у него кислело во рту. — Вот пример задачи, которые вам, балбесам, — он повернулся к классу, — предстоит завтра решать на контрольной. Извольте прочитать вслух, Желтяков.

Коля сжимал в кармане магического пупса, душил его за шею, а Виссарион Иванович даже не закашлялся.

— Каждый из портных может сшить костюм за пятнадцать часов, — монотонно читал Коля. — Через три часа после того, как первый начал пошив, к нему присоединился второй портной, и работу они довели до конца уже вместе. Сколько часов потребовалось на пошив всего заказа?

«Так-так, интересная задачка. Давненько я не брал в руки шашек...» — сказал пупс из кармана, громко и отчетливо. Коля уронил мел и подпрыгнул, ударившись спиной о доску. Обвел класс безумными глазами. Все сидели спокойно, будто ничего не слышали, но головы подняли посмотреть, как он у доски скачет.

— Вас что, Желтяков, блохи кусают? — удивился учитель; он тоже не слышал, как говорила кукла вуду. — Почесаться всласть и попрыгать сможете на перемене. А сейчас расскажите нам, как вам видится решение данной простой задачи.

«Портной за час пошивает одну пятнадцатую часть костюма, правильно? — сказал пупс громко, но слышно только для одного Коли. — Значит, за три часа, пока он работал один...»

Коля так удивился, что у него даже паника прошла.

— За первые три часа портной успел пошить три пятнадцатых, или одну пятую заказа, — сказал он и написал на доске дробь. Вист поднял голову от журнала и смотрел чуть удивленно и с интересом. — То есть осталось четыре пятых... Так... значит...

«Производительность», — подсказал пупс; он, кажется, был доволен Колей.

— Производительность, — сказал Коля, думая напряженно. — Если они вместе работают, то делают две пятнадцатых в час. То есть если мы разделим четыре пятых... на две пятнадцатых...

Мел стучал по доске. Портные кивали, склонившись над расчерченным меловыми линиями раскроем, иголки в их проворных руках так и сновали. Сенечка улыбнулся Коле со второй парты и показал большой палец. Вист смотрел на Колю со странным удовлетворением, словно вызвал его не для того, чтобы унижить, а и вправду хотел, чтобы он решил задачу.

— Девять! — сказал Коля победно. — Девять часов!

— Садитесь, Желтяков, — сказал Вист. Помолчал и добавил: — Хорошо.

Весь остаток дня Коля пытался уединиться, чтобы хоть немножко поговорить с пупсом. Но никак не удавалось, а кукла молчала в его кармане, будто и не волшебная была.

Уже на выходе со двора, после уроков, Коля увидел группу шестиклассников — четверо, крупные все бугаи. Двое из них были сыновьями рабочих с Путиловского завода, остальных Коля не знал. Что-то будто толкнуло его, он подошел поближе и увидел, что перед мальчишками стоит Сенечка Генинг, надувшись, как котенок перед барбосами: плечи подняты, грудь вперед, руки в кулаки сжаты.

— Ну что, гномик, озолотишь нас? — сказал один, по виду зачинщик безобразия. — Мы тебя поймали.

— Он не гном, он лепреккон, — усмехнулся второй. — Но денежки мы с него стрясем, как ни называй.

Сеня поднял сжатые кулаки к груди.

— Оставьте меня в покое, — сказал он отчаянно. — Денег я вам не дам.

Коля вздохнул тяжело, поставил ранец у стены, фуражку снял, чтобы сильнее не поломалась. Пупса тиснул в кармане.

— Выручай, Висечка, — прошептал.

Тут сзади, не было печали, Мишка Некрасов подошел. Коля только на него огрызнуться собрался, а он тоже ранец к стене поставил и рядом встал.

— А скажут — скажут! — что нас было трое, — усмехнулся он и поправил воображаемую шапку.

— Ага, защитники? — протянул главный хулиган, когда пятиклассники встали против них плечо к плечу. — Вы считать умеете? Нас четверо, а вас двое и гном.

Сенечка взвизгнул, прыгнул на него и вцепился в нос, засунув пальцы прямо в широкие ноздри.

— В покое меня оставьте! — крикнул он и дернул пальцы на себя. Хулиган заорал.

ФАНТАСТИКА

Коля только приготовился броситься на ближнего к нему врага, как из-за угла выбежал сторож гимназии Сильвестр, как две капли воды походивший на бюст Гомера в кабинете литературы, но распространявший обычно совсем не эллинские ароматы, а дух селедки, лука и перегара.

— А ну, ишь! — рявкнул он. — Вздумали тут! Ну-ка вон! А то я вам!

Разбежались быстро, кто куда.

Домой мальчишки шли втроем, пока по пути было. Генинг все молчал, носом шмыгал, руки тер о шинель.

— Здорово ты его, — осторожно сказал Коля.

— И вправду три мушкетера, — рассмеялся Мишка. — Молодец, Сеня. Будешь у нас... ну, Портос.

— Мне Атос больше нравится, — вздохнул Сеня.

— Нет! Атос, чур, я! — Мишка ударил себя в грудь.

С тех пор они все время вместе домой ходили. И с математикой у Коли стало хорошо налаживаться — и Сенечка помогал, и пупс вуду.

«Что за имя — Висечка? — спросил как-то пупс. — Почему меня так зовешь?»

— Ну Виссарион же, — ответил Сеня, а когда пупс долго замолчал, спросил: — А что, имя тебе не нравится?

«Имя... наверное, как имя, — сказал пупс. — Но уж очень от него отчество... памятное».

Пупс вообще много всего непонятного говорил. И произносил слова странно: вроде и чисто по-русски, а не так, гласные глотал, где не надо, согласными то пришепetyвал, то щелкал. А голос у него был глубокий, спокойный, немножко усталый только. Говорил он не все время, а лишь когда Коля его в руках держал и сильно сжимал, чувствуя сквозь слои ваты жесткие грани своей волшебной пирамидки. Слышал пупс очень хорошо, даже шепот, а отвечал громко, но только для самого Коли. Когда он Мишку попросил ухо к пупсу приложить, тот вроде бы что-то услышал, но не слова, а треск непонятный.

Коля пупсу много всего рассказывал — про папу с мамой, про гимназию, про Дашку, про бабушку, про книжки. Пупс был очень умный и понимающий, никогда над Колей не смеялся, а всегда отвечал хорошее и умное.

«Нельзя детей бить, — например, говорил он Коле, когда тот ворчал, потирая седалище после отцовской порки за драку; эх, те шестиклассники подстерегли их таки в конце апреля, фуражку окончательно сособочили и тужурку порвали. — Вообще нельзя бить того, кто тебе ответить не может. Хотя это, конечно, доставляет удовольствие на каком-то низком уровне, но его стоит в себе давить, и чем раньше в жизни, тем лучше».

Когда у Коли был грипп и он лежал в постели, чуть не плача от слабости и одиночества, потому что доктор строго-настрого наказал маме к нему не заходить (беременным опасно), пупс рассказывал ему сказки, истории

интересные, стихи читал. Жалко только, что все их выжгло из памяти страшным болезненным жаром: через неделю Коля ничего вспомнить не смог, только что-то про огненную гору, кольцо и черного властелина, а еще строчка в голове засела: «...свеча горела на столе, свеча горела».

Задач пупс за него не решал, но подсказывал, как именно думать, чтобы понятно стало, и слова и числа разложились в голове у Коли на формулы и дроби. А разобравшись, Коля внезапно так математику полюбил, что до конца мая весь задачник прошел, вечерами сам для себя задачи решал, как семечки их щелкал. И было у него чувство, будто он всю жизнь сиднем сидел, а теперь вдруг бегать научился — и его ум мчался с холма, радостно разбивая ветер, и трава ложилась под ноги, и дроби не громоздились больше унылыми закорючками, а описывали мир не хуже слов.

Вист качал головой и с каждой неделей все меньше к Коле придирался, к доске вызывал уважительно, а не как щенка, чтобы тыкать носом в лужу в прихожей.

Экзамен Коля сдал на «блестяще».

— Желтяков, — позвал его Виссарион Иванович в коридоре, когда Коля, в купленном наконец родителями парадном мундире из синего сукна, с серебряными галунами по воротнику, уже спешил на улицу, в июньскую петербургскую морось, в каникулы и свободу на целых два месяца.

Коля остановился, подошел к учителю. Тот смотрел исподлобья, чуть смущенно.

— Вы отлично справились, — сказал Вист. — Не ожидал от вас. Так держать, Желтяков. — И сунул ему небольшой пакет, завернутый в коричневую бумагу.

— Вам на лето пригодится, — сказал он. — Хороших каникул. Увидимся в августе.

Повернулся и пошел по гулкому коридору, отражаясь в натертом мастикой до блеска паркете, — высокий, чуть сутулый, с намечающейся лысиной, на которую были зачесаны полуседые волнистые волосы.

Коля открыл пакет. Там был задачник, тот самый, с которым Вист не расставался, из которого Коля в свое время украл страницу для черной магии. «Задачи повышенной сложности». Коля сглотнул подступивший к горлу комок и сжал в кармане мундира своего волшебного пупса.

— Я плохой человек, да? — спросил он.

«Нет, Коля, ты очень хороший мальчик», — ответил пупс, но голос у него был какой-то надтреснутый, больной, и Коля ему не очень поверил.

— Брат или сестра вам родится в августе, — сказал папа, усадив Колю с Дашей за стол. — Маме нездоровится, поэтому в этом году вы оба поедете к бабушке на все лето. Коля, ты можешь с собой кого-нибудь из класса пригласить, если у них нет других планов. Мишу или Сеню, чтобы не скучно вам было. Дарья, а ты должна пообещать слушаться бабушку все время.

Дашка пицчала от восторга и обещала слушаться, и суп есть весь, даже гущу, и бабушке помогать по дому всячески, например пыль вытирать.

Коля долго мучился, кого же позвать из друзей, но решил все само собой: Сенечка сказал, что его родители в Вену увозят, вроде бы там профессор нашелся, который болезни роста лечит. Они сидели втроем на бортике большой купальни против памятника Петру, день был жаркий, а Генинг, бледный от волнения, мокрым пальцем на досках рисовал мозг в разрезе и где может корениться проблема. Проведет доктор процедуру — и станет Сеня, как все, до-

гонит ростом Колю с Мишкой. Потом перегонит. И мамка будет причитать, что брюк и ботинок не напасешься.

— Не будет, — сказал Коля.

— Конечно, не будет, — признал Сенечка. — Это я так, для красного словца.

Купальня была большим плотом на Неве с кабинками по периметру и огромным решетчатым ящиком в вырезанной середине. Сеня с Колей в нем плавали, а Мишка считался хорошим пловцом, его выпускали через маленькую дверь наружу, он бросался в воду, оплывал купальню широким кругом, возвращался, потягивался.

— Хороша водичка! — важно говорил он.

Родители его были заняты в столице, очень обрадовались, что Мишку можно отправить в деревню на лето. Он с собой в новом чемодане вез настольную игру «Синопское сражение», пuzель на сто кусочков с Медным всадником и грампластинку в подарок Колиной бабушке.

«Что вы головы повесили, соколики, что-то ход теперь ваш стал уж не быстрехоне-е-ек», — мальчишки на весь вагон распевали популярную песню, а Дашка танцевала, а когда поезд притормаживал, падала то на Колю, то на папу и хохотала.

«Слушай, — спросил пупс из кармана, когда Коля ждал очереди в уборную, глядя в окно, за которым леса и холмы уже сменялись бесконечными царицынскими степями. — Коля, а какой сейчас год?» — Коля не очень удивился, пупс часто спрашивал странное. — «Одна тысяча девятьсот десятый от рождества Христова», — сказал он. — Пупс надолго замолчал.

Лето было очень хорошее, жаркое. Все трое отъедались клубникой, малиной, огурцами — бабушка слыла передовой огородницей, выписывала из Саратова новейшие удобрения. В конце июля помидоры пошли — огромные, сладкие, назывались «бычье сердце». Жара стояла такая, что все косточки плавилась, расплывались в прогретой, забывшей сумрачную петербургскую промозглость плоти горячим воском. Бабушка и ее кавалер, Степан Антонович, сидели на веранде, обмахивались бумажными китайскими веерами, пили пиво со льдом.

Вечерами, когда жара чуть спадала, Степан Антонович водил мальчишек рыбачить, учил удить, подсекать, костер разводить. Темнело поздно, звездное небо над степью казалось огромным — больше, чем в городе. Бабушка доставала из футляра телескоп, они смотрели с веранды на лунные моря и долины, на полосы на Марсе, на почти живое, влажное мерцание звезд. Дашка не выдерживала, засыпала в кресле в обнимку с медведем Иннокентием. Бабушка ее потом уносила в кровать, укладывала, пела колыбельную.

Коля с Мишей на чердаке тоже слушали, а потом долго шепотом болтали про все-все: про японскую кампанию, про волшебство у разных народов, про будущий год в гимназии, про Шерлока Холмса и капитана Немо. Потом засыпали крепким мальчишеским сном, не слыша, как шурудят в потолочных балках наглые мыши, как идет за ними черный бабушкин кот. Да и кот ли? Или само их детство неслышно кралось на мягких лапах, останавливалось посмотреть на спящие лица, чуть коснуться сомкнутых ресниц, выйти по трубе на крышу и щуриться там сквозь темноту космоса на далекие загадочные звезды?

В тот день Коля чудом не забыл пупса на чердаке. Уже на речку убежали — и Дашка с ними увязалась. Коля подумал-подумал, но все же вскарабкался по скрипучей лестнице, выхватил Висечку из-под своей подушки со смешной детской наволочкой в зайчиках, сунул под ремень.

Дашунь, ну ты как тут, сильно больно, серьезно? Эх, ну ладно, слушай: Горбунок-Конек проснулся, встал на лапки, отряхнулся, на Иванушку взглянул... Нет, не плачу я...

Бабушка сидела за столом на веранде, лампу не зажигала. Коля подошел поближе и увидел, что она курит папиросу, и огонек дрожит.

— Баб... — начал он.

Она ухватила его за руку, притянула к себе, расцеловала в обе щеки, обдавая сладковатым табачным дымом.

— Телеграмму принесли, пока ты с Дашей сидел, — сказала она. — Две сестренки у тебя со вчерашнего дня: Даша и Катюша. Танечка поправляется, скучает по вам, привет передает. Тринадцатого обратно поедом, двадцатого уже учебный год начинается. Я с вами поживу пару месяцев, тут Степа за домом присмотрит.

Коля опять разревелся, будто ему три года было, а не тринадцать.

— Поешь иди, — сказала бабушка, откидываясь в плетеном кресле и глядя в темноту сада. — Мишка там на кухне уже олады жмет.

С Мишкой они решили быть друзьями навсегда и завтра побрататься, порезав руки и смешав кровь, — на ночь не хотелось возиться.

«Тебе, Коля, надо быть врачом, — сказал пупс, когда Коля уже засыпал, привычно сжимая его под подушкой. — Побеждать смерть, забирать у нее намеченное — лучше нет в мире власти». И были эти слова как свет, осветивший Колины мечты и устремления. Засыпал он еще обычным мальчишкой, а проснулся будущим врачом, победителем над смертью.

Доехали обратно весело, играли в «Сражение», Мишка Колю все время заставлял за Турцию играть, а сам, хитрец, за Россию кубики бросал. Дашка еще была бледновата, а уже хотела бегать и беситься. Но Коля ей с важным видом пульс щупал и язык показывать заставлял.

— Нет, — говорил, — лежи пока, Дарья Вячеславовна, тебе еще отдых предписан. Она вздыхала и покорно ложилась, а он ей покрывало поправлял и насмотреться на нее не мог.

Пупс вот только все время молчал.

На вокзале встречали их папа с мамой с запеленатой колбасой младенца на руках и Мишкины родители, а лица у них были радостные, но и тревожные. Мама сразу к Дашке бросилась, на колени упала, целовала ее со слезами, потом Колю, потом Мишку. Все переобнимались, но по лицам было видно — не все еще сказано.

— Пойдемте... — Мишкин папа откашлялся. — Пойдемте в чайную через дорогу, присядем.

— Таня, вы езжайте с девочками, — велел папа. — Извозчика возьмите, а мы потом на конке.

Мишка с Колей сидели над чаем с пирожками и, волнуясь, друг на друга поглядывали: что за напасть?

— На прошлой неделе, — начал папа, — у Казанского было покушение анархистов на обер-полицмейстера фон Гредера... Праздник был кондитерский там же... конфеты раздавали... — Папа потемнел лицом и отпил чаю.

— Бомбу кинули, но она не сразу взорвалась, — монотонно сказал Мишин отец. — Полицмейстер успел за колонну кинуться. А народу много пострадало — шестьдесят человек ранило, пятерых убило. — Он потер виски. — Ребята, среди них были ваш товарищ Сеня Генинг и ваш преподаватель математики Степанов. Его друг пригласил на гуляние... Газеты писали, он Сеню и другого мальчишку собою закрыл, сразу погиб, на месте. Сеня вчера в больнице умер. А второй мальчик поправляется. Вот так.

Коля долго сидел в своей комнате, сжимая в руках пупса Висечку. Если пупс вуду был вольтом Степанова, то со смертью Виссарииона Ивановича и магия ушла? Следовало ли похоронить вольта? На следующей неделе Сеню будут хоронить. Так он и не вырос, даже если профессор в Вене ему в мозгах все поправил...

Коля разревелся прямо в пупса, прижимая клицу потрепанное, грязное сатиновое тело, чувствуя внутри клочья бумаги и острые грани пирамидки.

— Не хочу, чтобы так было, — плакал он. — Не хочу такой мир, не хочу!

«А давай его попробуем поправить? — вдруг предложил пупс и невесело рассмеялся. — Что случилось, то уже случилось, Коля. Но мы можем попытаться изменить то, что будет. Я не историк, но кое-что читал. Первым делом, думаю, надо попытаться войны не допустить. Твой отец на почте с письмами работает? Ты по-немецки пишешь? А почерк у тебя хороший? Не боишься? Записывай с моих слов, потом набело перепишешь, у отца на работе проштампуеть так, чтобы они через проверяющих охранки не проходили... Черновики сожги сразу, как отправишь. Готов? Ну, пиши:

«Любезный государь Василий Николаевич. Вы вряд ли поверите мне сейчас, но довольно будет и возможности, что Вы это письмо запомните или сохраните, и когда через четыре года начнут разворачиваться следующие события, Вы поступите...»

Коля писал до полуночи, пока глаза не стали закрываться. Когда мама зашла и лампу забрала, достал свечку и спички, припрятанные за шкафом. Писал по-русски, писал по-английски и немецки, трети слов не понимая.

— Я отправлю все письма, — пообещал он пупсу, уже лежа в кровати и сжимая его в руке. Не знал, что пупс с ним больше не заговорит никогда, останется молчаливым свидетелем последнего года его детства, а через пять лет Висечку и вовсе утащит из его комнаты сестричка Катюша, назовет Жоржем и назначит наездником плюшевого медведя Иннокентия. Потом подарит подружке во дворе. А самому Коле станет не до того — он сдаст экзамены в Императорскую медико-хирургическую академию, будет заказывать форменную шинель, волноваться об учебе, вздыхать по хорошенькой племяннице Мишки Некрасова, с которой познакомится на выпускном балу гимназии... — Очень плохое будущее в этих письмах, — зевая, говорил Коля пупсу вуду. — Ужас просто. А если никто не поверит письмам, ничего не поменяется? Так и будет? Мне придется все это прожить?

«Да, — сказал пупс тихо. — Придется прожить, уж как получится, Коленька. Оставаясь собой, таким, каким ты хочешь быть и каким можешь гордиться. Вот я тебе почитаю свое любимое, а ты спи, спи, дорогой мой мальчик:

...и хрипло кричат им птицы, что мир останется прежним, да, останется прежним, ослепительно снежным и сомнительно нежным, мир останется лживым, мир останется вечным, может быть, постижимым, но все-таки бесконечным...

* * *

Максим Ильич откинулся на подушки, сжимая в руке маленькую синюю пирамидку. В коробке, что Галя тогда принесла, было много хлама, он его перетряхивал и умилялся. Многих вещей он не помнил. Откуда эта ржавая машинка? Автобусный билет? Треснутый мумифицированный каштан?

Другие предметы били его током, память вспыхивала картинкой, запахом, чувством — и он будто снова заворачивал стерку в бумажку от конфеты «Тузик», чтобы надурить Витальку Сидорова, и хихикал в кулак, представляя его разочарованное лицо. Опять стоял на пляже «Артека», выиграв областную математическую олимпиаду, подбирал гладкий красный камушек, чтобы кинуть в море, но, передумав, прятал в карман, а перед отъездом в Ленинград, поступать в медицинскую академию, клал в эту самую коробку.

Максим Ильич перебирал высохшими руками свое детство — клеенчатую бирку из роддома, где ручкой было написано, что Смирнов Максим Ильич родился 16 сентября 1951 года, октябрюскую звездочку, крохотную пенопластовую Снегурочку, самолетик, два билета в кино на «Гиперболоид инженера Гарина» — он еще приглашал эту... как ее... зеленые глаза, светлые косы, родинка на шее. Трофейный термометр с фашистским орлом — дед вернулся с войны живым-здоровым.

Странного выцветшего пупса, древнего и облезлого, Максим нашел на чердаке в Вышнем Волочке. Когда прабабушка Рита умерла, деревянный дом собрались сносить, а он, десятилетний, искал в завалах хлама старинные сокровища.

Максим поднял пупса и почувствовал в его тканевом теле что-то твердое, правильной формы, с жесткими гранями.

— Галя, — позвал он, но голос сорвался, — Галя!

Дочка не услышала, тогда он сам поднялся, толкая перед собой капельницу и держась за нее, дошел до комода, взял ножницы. Подпорол боковой шов. Пупс смотрел в пространство и улыбался. Максим пошарил в кукле, достал пожелтевшие полоски бумаги — старые, с ятями и твердыми знаками. А потом выпала маленькая синяя пирамидка, вроде бы из стекла, с едва заметными значками на гранях. Легла в ладонь и засветилась в полумраке вечерней комнаты, где занавески уже пару месяцев не открывались — после операции головные боли чуть отступили, но свет глаза резал. Из пирамидки вдруг послышался четкий мальчишеский голос: «Ты в моей власти, — сказал он. — Уколю иголкой в живот — тебя возьмет и поносом скрутит. А в голову уколю — будешь мигренью маяться!»

Максим Ильич маялся мигренью уже три года, так ему опухоль и продиагностировали.

— Меня зовут Максим, — осторожно сказал он в пирамидку, как в микрофон. Но тут она погасла, а в комнату вошла Галя.

— Ой, пап, ну ты чего вскочил? — вскинулась она. — Как голова? Ты голодный? Я сейчас поеду Марину и Петю забирать из музыкальной школы, могу салатиков купить. Хочешь?

Максим Ильич отказался от еды, попросил подать ему ноутбук — с капельницей самому было неудобно. Галя обложила его подушками, поцеловала, побежала вниз.

— Хотя вообще-то хочи салатик, — передумав, сказал он ей вслед. — С кальмарами. — Галя рассмеялась, дверь хлопнула, во дворе зафырчала машина.

Максим Ильич держал на ладони пирамидку и искал символы с ее граней в Интернете. Не нашел.

Так он познакомился с Колей и очень его полюбил. Как любил того мальчика, которым был когда-то сам. Которого хотелось уберечь и спасти от грядущих испытаний и сердечной боли, понимая в то же время, что без них он не станет тем человеком, которым должен.

ФАНТАСТИКА

— Пап, ну мы волнуемся, — говорила Галя. — Ты сам с собой все время разговариваешь. Тебе одиноко? С нами невесело?

Максим Ильич гладил ее по голове и улыбался — потому что видел сквозь ее нынешнее, тридцатилетнее лицо все ее лица. И то первое, толстошее, с заплывшим веком и пятном зеленки, когда ее вынесли ему из роддома...

— Мне весело, Галя, — говорил он. — Позови Петю с Маришкой, я им «Конька-Горбунка» читаю.

Он сжимал в руке синюю пирамидку и читал стихи сразу всем — и своим внукам, и мальчику Коле.

— Пап... — говорила Галя, — ну а вот ты разговариваешь... Доктор говорил, возможны галлюцинации...

— Доча, отстань, — отмахивался Максим Ильич. — Я умираю, дай мне спокойно погаллюцинировать. Беспокойшься обо мне? Хочешь скрасить?

— Ага, — всхлипывала Галя.

— Тогда иди мне блинчиков напеки. У тебя же еще куча времени до совещания по скайпу.

Галя ворчала и шла печь блины.

Закончив диктовать, Максим Ильич поднял к глазам руку с пирамидкой. Она все еще чуть-чуть светилась, ярче на значках, которые ему идентифицировать так и не удалось. Страшная мысль вдруг пронзила Максима: а что, если, отправив письма, Коля действительно изменит будущее? Ведь если хотя бы два адресата из десятка поверят... Франц Фердинанд не поедет в Сараево, полиция арестует членов «Молодой Боснии», Россия не объявит мобилизацию, Ленина не освободят из тюрьмы в Породине... Не погибнут миллионы, не восстанет из горького жирного пепла Первой мировой Гитлер и не начнет Вторую... Революция в России случится по-другому... или не случится вовсе... Все будет иначе, а в этой новой, другой реальности родится ли в медобъединении завода «Свободный сокол» он, Смирнов Максим Ильич, встретит ли в Ленинграде Любочку, будут ли у них Галя и Андрей?

Максим Ильич был плохим историком, плохим предсказателем. Но знал наверняка, крепче любой веры — будут! Голову проткнула раскаленная спица, в глазах потемнело, пирамидка выпала из руки.

— Галя, — позвал он из последних сил, — Галочка!

Умирая, ждал, прозвучат ли в коридоре шаги, откроется ли дверь, успеет ли он посмотреть в последний раз на ее лицо, убедиться, что после него останутся те, кого он любил.

